

Взлёты и падения отношений России и Евросоюза*

История отношений современной России и Европейского союза насчитывает четверть века. Формальной точкой отсчета служит Соглашение о торговле и коммерческом и экономическом сотрудничестве, подписанное в советское время в декабре 1989 года. После распада Советского Союза потребовался относительно короткий срок для того, чтобы новая Россия и ЕС в июне 1994 года заключили юридически обязывающее Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС). Однако взаимодействие сторон с самого начала отличалось непростым характером; об этом говорит уже то, что СПС вступило в силу лишь три года спустя после его подписания. В течение всех прошедших лет наполнение партнерства реальным содержанием в большой степени зависело от множества внутренних и внешних факторов.

Россия после 1991 года переживала трудный период становления, обретения новой идентичности, внутренних и внешнеполитических приоритетов. Евросоюз также находился в процессе перманентной трансформации. 1990-е годы ушли на претворение в жизнь целей Экономического и валютного союза, заложенных в Маастрихтском договоре 1992 г., в первую очередь – создание единой европейской валюты – евро. Одновременно происходило дальнейшее расширение ЕС; и соответствующая ему институциональная адаптация выразилась в Амстердамском договоре 1997 года и Ниццком договоре 2000 года.

В результате трех раундов расширения 1995, 2004 и 2007 гг. ряды Евросоюза увеличились до 27 участников, а в 2011 году и до 28, за счет включения в его состав Хорватии. Среди них оказались не только государства – в прошлом союзники СССР, но и три бывшие советские республики – Эстония, Латвия и Литва. Многие «младоевропейцы», вступив в ЕС, привнесли с собой в эту организацию собственный взгляд на развитие отношений с Россией, отличавшийся настороженностью и даже враждебностью. Внутренние проблемы развития России и ЕС требовали неустанного внимания и политической энергии и именно на них, а не на внешнеполитических задачах, были в основном сосредоточены усилия Москвы и наднациональных структур Евросоюза.

Одним из основных внешних факторов, влияющих на проведение политики по сближению сторон, стало то, что большинство государств

* Частью данной главы является материал, подготовленный по заказу Российского совета по международным делам.

членов Евросоюза являются участниками Североатлантического договора. В результате сложные отношения между Россией и НАТО не могли не сказываться на динамике отношений между Москвой и Брюсселем. Причем в большинстве случаев такое влияние тормозило диалог, особенно в свете нарастания разногласий между Россией и НАТО по вопросам расширения атлантического альянса на восток и использования военной силы без одобрения Совета Безопасности ООН.

В первые годы XXI века сотрудничество между Россией и Евросоюзом, несмотря на указанные трудности, получило новое дыхание. В 2001 году кризис в их отношениях, связанный со «второй чеченской войной», был преодолен (предыдущие два кризиса пришлось на 1995 год из-за «первой войны» в Чечне и на 1998 год из-за дефолта России)¹. Связано это было в первую очередь с тем, что для обоих партнеров стало возможным обеспечить устойчивую тенденцию возрастания экономического роста, достаточно успешно решая свои внутренние проблемы. В прогнозах своего среднесрочного и даже долгосрочного развития ЕС и Россия придерживались однозначно оптимистических оценок. Росли их внешнеполитические амбиции и ресурсы. Из года в год нарастала экономическая взаимозависимость России и ЕС; интересы всё большего числа экономических субъектов с обеих сторон усиливали вектор взаимной интеграции. К началу нового столетия была создана достаточно прочная институциональная основа сотрудничества: дважды в год проводились саммиты (к концу 2011 года их состоялось 28), встречи председателя правительства РФ с Комиссией ЕС, заседания Совета сотрудничества (преобразован в 2003 году в Постоянный совет партнерства) на уровне министров, встречи в рамках Политического диалога на уровне министров иностранных дел и постоянного представителя РФ с Комитетом по политике и безопасности ЕС, встречи в Совете по парламентскому сотрудничеству.

В Евросоюзе в преддверии мегарасширения 2004 года доминировали ожидания быстрого превращения этой организации в один из ведущих центров силы на планете, широкую популярность обрели концепции «европейской мечты» и «евросферы»². Крепло стремление наряду с экономической мощью общего рынка нарастить самостоятельные политические мускулы, превратить европейскую политику в сфере безопасности и обороны в действенный инструмент влияния ЕС в мире. Россия благодаря консолидации внутривосточного пространства и быстро-

¹ Россия и Европейский Союз в начале XXI века // Доклады Института Европы. – 2009. – № 244. – С. 72–73.

² См., напр.: *Rifkin J. The European Dream: How Europe's Vision of the Future is Quietly Eclipsing the American Dream* (New York: Jeremy Tarcher/Penguin, 2004).

му росту ВВП с опорой на сырьевой сектор экономики также активизировала свои внешнеполитические усилия, взяв курс на утверждение себя в качестве самостоятельного игрока на международной арене. Ее отношение к пределам европейской интеграции выразилось в Стратегии развития отношений с Евросоюзом на 2000–2010 гг. В ней указывалось, что Россия не ставит перед собой цель вступления в ЕС или получения статуса ассоциированного членства. Прояснение позиций и намерений сторон на тот момент способствовало их более продуктивному взаимодействию. Сказывался и в целом благоприятный внешнеполитический климат в отношениях между Москвой и рядом ведущих европейских столиц, а также Вашингтоном.

Обоюдное желание поднять отношения на более высокий уровень, выработать углубленные механизмы сотрудничества выразилось в принятии в мае 2003 года совместной «Концепции создания четырех общих пространств» (экономического, пространства свободы, безопасности и правосудия, пространства внешней безопасности и пространства культуры, науки и образования) и в утверждении через два года программы «дорожных карт», то есть конкретных шагов по всестороннему развитию отношений. К этому обязывало и то, что стороны заявляли друг о друге как о стратегических партнерах – статус, обязывающий к соответствующим действиям, а не только декларациям.

К этому времени модальность взаимодействия Россия и Евросоюза претерпела значительные изменения. Если в 1990-е годы оно развивалось по формуле «ведущий – ведомый», когда от России ожидали адаптации ее внутренней и внешней политики к нормам, ценностям и интересам ЕС, и евро-атлантического сообщества в целом, то в первое десятилетие XXI века стороны стали всё больше рассматривать друг друга в качестве не соподчиненных партнеров. Изменение позиции России нашло выражение в отказе от участия в программе «нового соседства», разработанной в 2003 году на базе документа ЕС «Большая Европа – соседство: новые рамки для отношений с нашими восточными и южными соседями». Предложенная концепция и механизмы реализации программы, считала Москва, фактически были проводниками политики «мягкой силы» Евросоюза по принципу «помощь в обмен на реформы», что вело к распространению его влияния на зоны жизненно важных интересов России.

Со временем отношения между сторонами становились более прагматичными и реалистическими, свободными от завышенных ожиданий. Со стороны ЕС реже слышались претензии к Москве по поводу ценностных расхождений, тем более что в 2002 году за Россией был признан статус страны с рыночной экономикой, а во внешней политике Россию и ЕС больше сближало, чем разделяло. Это относится к принципам верхо-

венства международного права, многосторонности (многополярности), коалиционности в принятии решений, приоритетному использованию «мягкой», а не «жесткой» силы. Постепенно, хотя и с большим трудом, теряли свое влияние отрицательные стереотипы в отношении России, укоренившиеся среди политических элит западных стран и в массовом сознании в период холодной войны и даже еще раньше – в эпоху царской России. Однако со стороны различных институций Евросоюза, в особенности Европарламента, неизменной оставалась критика России, то приглушенная, то громкая, за недостаточный прогресс в области соблюдения прав человека, верховенства закона, независимости судебной системы.

Сближению позиций сторон по ряду внешнеполитических вопросов способствовало то, что и в России, и в Западной Европе усиливалось обоснованное недовольство внешнеполитическим курсом администрации Дж. Буша-младшего, который диктовали неоконсервативные элементы в его окружении. За выступлением ряда стран Евросоюза на стороне США в войне против Ирака последовала дискредитация аргументов в поддержку войны, достоянием гласности стали факты военных преступлений, совершенных американскими, британскими и военнослужащими ряда других европейских стран в ходе этой войны, были обнародованы данные о незаконных перевозках подозреваемых в террористической деятельности и о применении против них спецслужбами некоторых западных государств пыток или потворства таким пыткам в третьих странах. На этом фоне упреки и нравоучения в адрес Москвы относительно неприятия «европейских ценностей» становились все более неуместными.

В России же росло понимание того, что Евросоюз, несмотря на свое стремление к автономности в международных делах, будет и дальше рассматривать себя как неотъемлемую часть евро-атлантического пространства; что принципы солидарности и «пула суверенитетов» в ЕС из декларативных всё больше превращались в действующие: что для достижения успеха в переговорах с наднациональными структурами этой организации необходимо находить общий язык не только с брюссельской бюрократией и европейскими «грандами», но и с «неудобными» для России европейскими партнерами, в первую очередь из числа восточноевропейских государств.

Вместе с тем Москва не могла не учитывать, что по своей природе Евросоюз на обозримое будущее остается дуалистической межгосударственной и в то же время наднациональной организацией, в которой учет национальных интересов отдельных стран-членов не менее важен, чем общих интересов, выработанных на основе консенсуса. В начале XXI века взгляд на ЕС, как на экономического гиганта, но политичес-

кого карлика, стал выглядеть анахронизмом. Однако в вопросах внешней политики и безопасности, в ряде экономических областей, еще не подвергнувшихся «коммунитаризации» (передачи части национальных полномочий наднациональным структурам ЕС), интересы его ведущих государств по-прежнему доминировали над «среднестатистическими». В свете этого Россия, другие крупные мировые и региональные державы, сами европейские страны в зависимости от ситуации и важности вопросов, требующих решения, выбирали в своих отношениях с государствами ЕС либо «двусторонний трек», либо переговоры с Евросоюзом в целом.

Российская дипломатия не могла игнорировать тот факт, что участники ЕС по своему весу и влиянию сильно различаются. Многие вопросы во взаимоотношениях с ним решаются в зависимости от позиций «большой четверки» – Германии, Франции, Великобритании и Италии. Внутри Евросоюза существует немало как институционализованных, так и неформальных объединений и групп. Кроме того, в силу исторических, экономических и иных причин в ЕС выделялись группа «друзей России» (например, Германия, Греция, Кипр, Франция, Италия), группа нейтрально настроенных государств, а также тех, кто по традиции выступает с более жестких в отношении Москвы позиций (например, прибалтийские страны, Румыния, Польша). Локомотивами в отношениях России и ЕС бесспорно являлись Берлин, Рим и Париж. Состав названных групп со временем менялся. Например, Великобритания из группы «друзей России» в 2000–2002 гг. впоследствии перешла в группу жестких оппонентов. Но возможно и обратное движение – определенное время наблюдалось значительное улучшение отношений между Москвой и Варшавой.

Такая категоризация стран-членов ЕС в их отношениях с Россией претерпела масштабную трансформацию в результате украинского кризиса, начавшегося в ноябре 2013 года, и переросшего, после государственного переворота в феврале 2014 года, в фазу гражданской войны с фактическим участием в ней в различном качестве нескольких государств и их блоков. Участники ЕС, кто с готовностью, кто под давлением, консолидировано выступили за введение санкций против России. И все же их отношение к этим событиям сильно различалось. Так, Германия превратилась в одного из жестких оппонентов России, Франция вела себя сдержаннее, Италия и Австрия заняли намного более умеренные позиции, Чехия и Венгрия открыто выражали свою обеспокоенность по поводу нового антироссийского курса ЕС. Такое сплочение, со всей ее рыхлостью, стало наиболее серьезным вызовом для внешней политики России с учетом того, что фактически его главным генератором были США.

В первой половине 2000-х годов наибольшие разногласия между Россией и Евросоюзом вызвал вопрос его расширения. Список озабоченностей Москвы, переданный в Брюссель в 1999 году, включал права русскоязычного населения Эстонии и Латвии и проблему калининградского транзита, Еврокомиссия согласилась обсуждать лишь в начале 2002 года. В результате процесс согласования, а значит, и обеспечение согласия Москвы на распространение СПС на новые государства-члены, удалось завершить лишь за несколько дней до официальной даты расширения – 1 мая 2004 года. Однако в целом на фоне принятия концепции четырех общих пространств и «дорожных карт» климат взаимоотношений был благоприятным. С марта 2005 года появился новый формат переговоров – консультации по правам человека.

Проведение более активной внешней политики и Россией, и Евросоюзом не только способствовало их сближению по обоюдновыгодным вопросам, но усиливало трения там, где интересы расходились. Противоположные трактовки получили, например, результаты президентских выборов на Украине осенью 2004 года, результаты других «цветных революций» на постсоветском пространстве. Политика «нового соседства» ЕС всё больше приходила в столкновение с российскими национальными интересами. Наглядным тому подтверждением стал проект Восточного партнерства, запущенный в марте 2009 года на саммите ЕС в Праге. К сожалению, опасения Москвы полностью оправдались в свете событий на Украине в 2013-2014 гг.

В предшествующие годы обострение противоречий произошло также вокруг проблемы признания Косово. Расширение ЕС 2004 и 2007 гг. еще ближе придвинули к России «визовый барьер». Несмотря на то что энергодиалог стороны вели с 2000 года, всё большим раздражителем становился вопрос поставок российских энергоресурсов, особенно после перебоев с транзитом российского газа через территорию Украины в январе 2009 года и в свете отказа Москвы ратифицировать Энергетическую хартию и подписать дополнительный протокол к ней.

Разногласия в энергетической сфере между ЕС и Россией достигли своего пика в 2014 году в результате украинского кризиса и политики новых властей в Киеве. Несмотря на то что «Северный поток» (Норд-стрим), реализации которого в свое время столь упорно сопротивлялись ряд стран-членов ЕС, за последние годы доказал свою эффективность и внес вклад в диверсификацию снабжения Европы природным газом, руководство ЕС довело дело до вынужденного закрытия Россией проекта «Южный поток». Тем самым Брюссель собственными действиями значительно продлил время, в течение которого ЕС будет продолжать находиться в зависимости от перипетий современной политической истории Украины.

В начале тысячелетия ряд дополнительных обстоятельств снизил способность Евросоюза проводить последовательную внешнюю политику, отвлекая политические ресурсы на решение иных проблем. Провал в 2005 году ратификации Договора о Европейской конституции в результате референдумов с отрицательным исходом во Франции и Голландии – государствах из числа отцов – основателей ЕС, трудности выработки и доведения до подписания и ратификации нового соглашения, рост евроскептических настроений в Европе и умножение конфликтов на расовой и национальной почве, ярко проявившихся во время бунтов в пригородах Парижа, болезненный процесс притирки друг к другу старых и новых государств-членов заставляли ЕС в целом и входящие в него государства в отдельности сосредоточиться на вопросах внутренней политики, решать проблемы в первую очередь на своем «заднем дворе». Все эти обстоятельства не способствовали прогрессу в отношениях между Россией и ЕС. Сказывалось и то, что механизмы Евросоюза по переговорам с внешними партнерами оставались громоздкими и неповоротливыми. В нем сохранялось несколько центров принятия решений, зачастую конфликтующих между собой. Положение коренным образом не изменилось и после вступления в силу Лиссабонского договора в декабре 2009 года.

1 декабря 2007 года истек срок действия СПС. Однако, несмотря на то что он нуждался в значительном обновлении, переговоры о новом «базовом договоре» начались лишь в июле 2008 года после саммита Россия – ЕС в Ханты-Мансийске. Виной тому было проявление рядом стран-участниц «национальных эгоизмов»: Польша еще в 2006 году блокировала предоставление Еврокомиссии мандата на переговоры с Россией из-за разногласий с ней по двусторонним вопросам. Претензии к России высказывала и Литва. Только начавшись, переговоры были прерваны из-за августовских событий в Закавказье. После нападения грузинских войск на Цхинвал и на российских миротворцев Россия была вынуждена ввести в Южную Осетию и Абхазию свои войска. Однако в Евросоюзе возобладали мнение о неправомерности действий Москвы и о непропорциональном использовании силы. Тем более, ЕС посчитал неприемлемым признание Россией независимости двух бывших частей Грузии. Вместе с тем необходимо отметить, что посреднические усилия Евросоюза, в котором на тот момент председательствовала Франция, сыграли важную роль в переводе конфликта в дипломатическую плоскость. В ноябре 2008 года переговоры о новом «базовом договоре» возобновились.

Негативные тенденции перемежались с позитивными на пути реализации «дорожных карт». В 2007 году вступило в силу Соглашение между РФ и ЕС об упрощении визового режима и реадмиссии, в том

же году – Соглашение по торговле сталью, в 2010-м – Соглашение о защите секретной информации. В 2008-2009 гг. Россия приняла участие в миротворческой операции ЕС по мандату ООН в Чаде и Центрально-Африканской Республике, а позже сотрудничала с ним в операции по борьбе с пиратством в Аденском заливе. Необходимо отметить, что еще в 2000 году была принята совместная декларация России – ЕС о диалоге по вопросам политики и безопасности. С 2001 года российские официальные лица на ежемесячной основе проводили консультации с европейскими партнерами в рамках комитета ЕС по политике и безопасности. Успешно развивались многочисленные совместные проекты в сфере культуры, образования, науки. В 2006 году в Москве начал работу Европейский учебный институт при МГИМО (У) МИД России, призванный повышать квалификацию российских государственных служащих в вопросах европейской интеграции и отношений Россия – ЕС. И все же при всех позитивных подвижках эти отношения стали все более явственно переходить в стадию стагнации, а с 2013 года уже обозначился очевидный регресс.

Характерной чертой периода, предшествовавшего мировому экономическому кризису, было наращивание объемов экономического сотрудничества между Россией и странами ЕС. В 2008 году во внешнеторговом обороте России доля Евросоюза превышала более 52%, ЕС служил для нашей страны источником 75% прямых зарубежных инвестиций (92 млрд евро в 2008 г.). Россия, размер экономики которой в 2000–2007 гг. увеличился вчетверо, достигнув 1,2 трлн долл. США, также становилась для ее западных соседей все более важным партнером. К 2009 году она превратилась в третьего по значению внешнего торгового партнера ЕС после США и Китая, занимая 6% в экспорте товаров в ЕС и 9,6% в импорте его продукции. В 2009 году Россия поставила в Евросоюз товаров на сумму более 115 млрд евро. Ее прямые инвестиции в ЕС достигли 28 млрд евро, что вчетверо превосходило объем инвестиций в ЕС из Индии и в два раза – из Китая.

Россия являлась лидером нефтепоставок в ЕС, которые с 2000 по 2009 год выросли на 56% – до 208 млн тонн ежегодно, а также лидером по поставкам угля (53 млн тонн). По экспорту газа в ЕС Россия заняла третье место (134 млрд куб. м в 2008 г.), что составляло 40% всего газового импорта ЕС. По расчетам Еврокомиссии к 2030 году эту цифру планировали увеличить до 60%, хотя последующие события на Украине были самым активным образом использованы антироссийски настроенными европейскими и американскими политиками для снижения взаимной зависимости России и ЕС в сфере торговли природным газом и нефтью. Во многих европейских государствах доля России в импортируемом газе была еще выше: в прибалтийских странах – 100%, в Слова-

кии и Болгарии – 90%, в Чехии и Греции – 75%. Россия в свою очередь на 85% зависела от ЕС как импортера газа. Среди других энергоресурсов выделялся также уран, по поставкам которого в ЕС Россия лидировала.

Дальнейший прогресс в сфере экономического взаимодействия ЕС и России зависел во многом от присоединения нашей страны к Всемирной торговой организации (ВТО)³. Окончательное решение этого вопроса по разным причинам постоянно откладывалось, пока наконец переговорный марафон не завершился успехом в конце 2011 года. После вступления России в эту организацию казалось, что реальным может стать переход к осуществлению концепции общего европейского экономического пространства, идея которого, высказанная еще в 2001 году президентом Еврокомиссии Романо Проди, предусматривала создание зоны свободной торговли между Россией и ЕС.

С тех пор на этом пути возник новый фактор – создание в 2009 году Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана, переросшего с января 2015 в Евразийский экономический союз (ЕЭАС). Кроме того, украинский кризис, разразившийся в 2013–2014 гг., нанес сильный, хотя и не смертельный удар по концепции общего пространства от Лиссабона до Владивостока. Его оборотной стороной может стать, благодаря «шоковой терапии» кризиса, фактическое принуждение брюссельской бюрократии установить диалог с ЕЭАС.

Мировой экономический кризис внес в отношения Евросоюза и России значительные коррективы. В 2008–2009 гг. показатели их экономического взаимодействия значительно снизились, начав с 2010 года постепенно возвращаться на докризисные уровни, пока вновь не покатились вниз в 2014 году⁴. В результате обострения социально-экономических, а в случае ЕС – еще и политических проблем, особенно остро проявившихся в еврозоне, стороны в очередной раз сосредоточились на решении задач внутреннего развития. В то же время из года в год продолжали накапливаться проблемы панъевропейской безопасности.

В связи с этим необходимо отметить, что во многом XXI век начался как продолжение предыдущего. Трагедия 11 сентября 2001 года в США лишь отразила процессы, развивавшиеся подспудно уже длительное время.

Старт каждого столетия редко совпадает с календарем. По-настоящему отсчет XX века открылся в 1914 году: Первая мировая война запусти-

³ Двусторонние переговоры ЕС и России по присоединению последней к ВТО завершились в декабре 2010 года на саммите в Брюсселе. После этого решение вопроса переместилось в многосторонний формат на консультациях в Женеве. В октябре 2011 года стороны окончательно согласовали двусторонние вопросы по присоединению России к ВТО.

⁴ В 2009 году торговый оборот сократился на 38,3% по сравнению с 2008-м.

ла механизм событий, определивших судьбы большей части человечества на десятилетия вперед. 2008 и последующие годы могут претендовать на ту же роль для века XXI-го. Старый потенциал парадигмы евро-атлантического развития в сферах экономики и безопасности себя практически исчерпал. Всё, что произошло раньше: распад Советского Союза, временное (или иллюзорное) утверждение однополярного мира, новая волна локальных и региональных конфликтов было следствием XX века. Продлить его угасание пытались Соединенные Штаты, которые после террористических атак 2001 года предприняли отчаянную попытку закрепить за собой геополитический статус единственной сверхдержавы. Однако ткань международных отношений отторгла притязания на единоначалие. Рельефней всего это выразилось в провалах американской внешней политики в Ираке, на Ближнем Востоке, в Северной Африке, в Закавказье, а сегодня США стремятся использовать в свою пользу украинский кризис, который они фактически и спровоцировали.

2008 год подвел черту и под экономической моделью мира, своего рода глобальной финансовой пирамидой, увенчанной неолиберальной американской мыслью. Принципы «государства – ночного сторожа», «свободных рыночных сил», впервые вознесенные на пьедестал в XIX веке под сенью Британской империи и доминировавшие до Второй мировой войны, пережили свое второе рождение в годы тэтчеризма и рейганомики. С тем, чтобы в начале XXI столетия вновь потерпеть сокрушительное поражение (это обстоятельство не помешало приверженцам неолиберализма попытаться перезапустить дискредитированную мировым кризисом модель после того, как низшая точка кризиса в США была пройдена).

Мир вступил в зону длительной нестабильности. В непростом положении оказалась и Россия. В августе 2008 года перед ней встала дилемма: защищать гражданское население части Грузии от насилия со стороны центральной власти этой страны или воздержаться с учетом трудно просчитываемых рисков. Осознание своей ответственности за поддержание международного мира и стабильности, тем более на своих границах, возобладало. Затем Россия признала независимость Южной Осетии и Абхазии, что отвечало чаяниям подавляющего большинства их жителей.

Те события, к сожалению, в западных СМИ, включая европейские, сопровождалась антироссийской истерией. Но уроки истории на постсоветском пространстве иностранными партнерами РФ, увы, были выучены плохо. Главный урок – необходимость учета интересов России при любой попытке геополитического и геоэкономического передела на пространствах ближнего зарубежья. В 2013–2014 гг. настала очередь Украины.

Всё, что случилось с Грузией и происходит на Украине – проблемы не XXI века. Своими корнями они уходят глубже – в эпоху распада Советского Союза, затем Югославии, затем Сербии. Косово окончательно открыло ящик Пандоры, нарушив хрупкий баланс между территориальной целостностью государств и правом наций на самоопределение. На Западе многие с сарказмом отнеслись к метафоре о распаде Советского Союза как о геополитическом землетрясении XX века. Реальность не оставила от него и следа. В результате обрушения украинского государства России пришлось почти в одиночку начать бороться с возрождением правого экстремизма, включая неонацизм, причем не где-нибудь, а на территории бывшей Киевской Руси, то есть в самом центре Европы, о ценностях которой так ратуют в Брюсселе. Неонацизмом поражены и другие страны, включая прибалтийские. 16 марта 2014 года, в день проведения референдума в Крыму, в Риге состоялось ежегодное шествие в память латышских легионеров СС.

В последние годы особенно явно менялся исторический контекст современного развития Европы. Многие годы его определяла идея о гравитационном поле Евросоюза, о его неудержимой притягательной силе для соседних – и не только – государств. Воссоединение Крыма с Россией продемонстрировало яркий пример притягательности самой России, которую на Западе многие демонизировали.

ЕС и США на постсоветском пространстве продолжали играть в геополитические игры, что продемонстрировало их беспрецедентное давление на В.Ф. Януковича вплоть до подписания соглашения 21 февраля. После вооруженного переворота заявления западных политиков о суверенитете Украины и ее территориальной целостности стали выглядеть как издевка. Ведь именно их действия способствовали трансформации движения гражданского протеста в Киеве в сторону вооруженного мятежа, совершенного силами правых экстремистов.

Тем самым реализуется западная политика выдавливания России из ближнего зарубежья. А что как ни приманка членства в НАТО толкнуло Саакашвили на расстрел российских миротворцев, а затем мирного населения в Цхинвале? И разве не натовская база расположилась бы в недалеком будущем в Севастополе, если бы не воссоединение?

По крайней мере с весны 2013 года западное экспертное сообщество изучало возможные сценарии госпереворота на Украине и распада страны. Все последние годы российские эксперты и политики на встречах с западными коллегами неустанно повторяли: не раскачивайте Украину, не потворствуйте центробежным процессам в ней, не делайте ставку на антироссийские настроения на западе Украины. Эти призывы не были услышаны, притом что часть западного общественного мнения адекватно оценила события на Украине. Так, Грегор Гизи, лидер фракции

левых в парламенте Германии, жестко критиковал Ангелу Меркель за применение к Украине и России двойных стандартов и игнорирование в угоду собственным политическим интересам опасностей возрождения фашизма. Раздавались трезвые голоса и таких супертяжеловесов, как Генри Киссинджер. Патриарх американской внешней политики призвал Украину сохранить ее внеблоковый статус. Тем не менее трагедия национального масштаба, трагедия государства, так и не ставшего за 25 лет, после распада СССР, единой нацией, продолжается: Украина фактически разорвана двумя гравитационными полями – западным и восточным.

В последний период, особенно в 2014 году, в отношениях между Россией и Евросоюзом регулярно затрагивалась тема доверия. У России отношения с западными странами в результате украинского кризиса резко обострились. С подавляющей частью мира – нет. Более того, из года в год отношения Москвы со многими столицами Азии, Африки, Латинской Америки становятся всё более доверительными⁵. Но и с государствами евро-атлантического пространства и их союзниками ситуация не черно-белая. Запад в начале XXI века – разнородный, рыхлый. Европа сейчас далеко не та, что в годы холодной войны. Это уже не политический и военный протекторат США. Вспомним хотя бы 2003 год, когда Париж и Берлин выступили против интервенции в Ираке. Да и введение санкций против России в марте – сентябре 2014 года (особенно третьего и четвертого пакетов, по-настоящему наносящих ущерб), не состоялось бы без массивного давления со стороны США. Нельзя не учитывать и условия, в которых происходила смена руководства ЕС, особенно Еврокомиссии.

Если рассматривать отношения России и ЕС в прогностическом плане, то их нормализации и постепенному восстановлению доверия может прежде всего способствовать комплекс факторов, связанный с растущей нестабильностью вокруг Европы и в ней самой. Дуга нестабильности охватывает западную часть Евразии с юга в Северной Африке, с юго-востока на Ближнем Востоке, а теперь и с востока Украины. Везде в этих регионах ситуация с безопасностью в последние годы резко ухудшилась. Через 13 лет после начала «войны с террором» террористическая активность на планете сильно выросла. Ливия разорвана между доморощенными исламистами и националистами. Четвертый амери-

⁵ См., напр.: БРИКС – Латинская Америка: позиционирование и взаимодействие / Под ред. В.М. Давыдова. – М., 2014; *Титаренко М.Л., Трифонов В.И., Уянаев С.В.* Отношения РФ и КНР в контексте внешней политики нынешнего китайского руководства // Китайская Народная Республика. Политика. Экономика. Культура. К 65-летию КНР. – М.: ИД «Форум», 2014. – С. 30–40.

канский президент подряд, на этот раз Б. Обама, вновь направляет военные силы в Ирак для борьбы с теми, кто в значительной степени использует американское же оружие. В августе 2014 года по сектору Газа прокатилась очередная палестино-израильская война, самая кровавая из всех предыдущих. С трудом удерживает ситуацию под контролем на части территории страны правящий режим в Сирии. Серьезная политическая дестабилизация произошла в Пакистане. Афганистан остановился в опасной близости от возможной гражданской войны с подписанием хрупких договоренностей о разделе полномочий между претендентами на президентскую власть – А. Гани и А. Абдуллой. Все более глобальной становится угроза религиозного фанатизма «Исламского государства», расширяющего базу международного терроризма.

Парадоксальная ситуация сложилась вокруг Соглашения об ассоциации между Украиной и ЕС: столь театрально обставленная его ратификация (включая экономическую часть – соглашение об углубленной и всеобъемлющей зоне свободной торговли) сопровождалась заявлением Еврокомиссии о его вступлении в силу лишь в начале 2016 года.

Не менее тревожные вызовы, угрожающие внутренней стабильности Европы. Так, в Италии безработица среди молодежи (с 15 до 24 лет) достигла 43% при общем ее показателе в 12,6%, а экономика страны за первые два квартала 2014 года скатилась в рецессию – в третий раз с 2008 года. И это на фоне ожиданий, которые были связаны с приходом к власти М. Ренци, в котором – с точки зрения внутренних реформ – видят итальянского Тони Блэра. Италия, пожалуй, единственная страна из ЕС-15, в которой показатель реального дохода на душу населения стагнирует с 1999 года. Не намного лучше положение дел в Великобритании, которая только в 2014 году вышла по объему ВВП на предкризисный уровень. Однако реальные доходы по-прежнему отстают от прежних показателей.

Пока не удастся избежать рецессии, судя по всему, как минимум еще двум странам еврозоны – Хорватии и Кипру. Отрицательный рост ВВП возможен в Греции, Испании, Голландии, Финляндии. В красной зоне по безработице находятся Франция, Латвия, Ирландия и Болгария, в которых работой не обеспечены соответственно 10,3, 10,7, 11,2 и 12,5% трудоспособного населения. Ещё хуже положение в Словакии, Словении и Португалии, где не трудоустроено соответственно 12,7, 12,8 и 13,9% человек. Но особенно драматична, если не сказать катастрофична, ситуация на рынке труда в Хорватии, на Кипре, в Испании и Греции (16,7, 19,2, 24,5, 27,2%).

Всё возрастающее беспокойство вызывают перспективы Франции, где не только экономика, но и состояние дел в политике ухудшаются. Рейтинги президента Франсуа Олланда достигли исторических мини-

мумов периода Пятой республики, рухнув до 13%. Всё громче раздаются голоса, особенно Марин Ле Пен, о проведении досрочных выборов главы государства, не дожидаясь 2017 года. Но и в случае их планового проведения она с большой долей вероятности выйдет во второй тур. Правительство страны за короткий срок прошло через два кризиса – последний, вызванный фрондой со стороны уже бывшего министра экономики и промышленности Арно Монтебура. Францию всё чаще называют «большим человеком Европы».

В целом Евросоюз оказался заложником еще одной тревожной проблемы – дефляции, угнетенного состояния цен. В сентябре 2014 года показатель инфляции по еврозоне составил 0,3%, притом что целевой показатель ЕЦБ – 2%. На практике это означает низкую покупательную активность потребителя, низкую инвестиционную активность предпринимателя, усугубление проблемы снижения задолженности разного уровня. Это другая, не менее опасная крайность по сравнению с той, когда рост цен выходит из-под контроля, и тем более, если он сопровождается экономической стагнацией (стагфляция в Европе в 1970-х гг.). Наглядным примером вредности дефляции являлась Япония периода 1997–2007 гг., долго и мучительно искавшая выход из нее. С первого взгляда ничего страшного со страной не происходило, но на деле дефляция как ржавчина подтачивала конкурентные позиции страны в мире и реальные доходы населения.

Если отвлечься от деталей, то необходимо вновь подчеркнуть, что по большому счету до сих пор не решаются фундаментальные проблемы модели экономического развития западных стран, наиболее сильно затронутых мировым экономическим кризисом. Это модель «дешевых денег» и «долговой экономики», свойственная и англосаксонской, и континентальной европейской, и другим разновидностям западных экономик при всех отличиях между ними. Прекращены переговоры о зоне свободной торговли ЕС и Индии. Насколько можно судить по открытым источникам, отсутствует прогресс в переговорах ЕС и США о заключении трансатлантического соглашения о торговле и инвестициях.

Отражая нарастающую тревогу в экспертных кругах Запада о том, что капитальный ремонт мировой рыночной архитектуры остановился, экономический обозреватель британской газеты «Гардиан» Ларри Эллиот саркастически предлагает такую эпитафию: «Покойся с миром, новый мировой порядок. Родился в Берлине в 1989 году. Почил с «Лемон Бразерс» в 2008 году. Предан земле на востоке Украины, август

⁶ Elliott L. «RIP the free market new world order» // «The Guardian Weekly». – 05.09.14. – P. 19.

2014 года⁶». Да и как здесь не предаться пессимизму, если против 6-й по величине экономики мира в нарушение правил ВТО вводятся всё новые санкции.

Как никогда зримо в повестку дня Европы возвращается проблема сепаратизма, пусть гражданского (в отличие от этнического) и не воинствующего. Из Лондона раздался громкий вздох облегчения после оглашения результатов референдума о независимости Шотландии 18 сентября – 55 против 45% в пользу сохранения единства Соединенного Королевства. Но рано или поздно к этому вопросу страна вернется. Шотландские националисты в любом случае не проиграли, ведь теперь, согласно обещаниям Лондона, они получают еще больше полномочий в качестве правящей в Эдинбурге партии – статус, который они наверняка сохранят на региональных выборах в 2015 году.

Трудно предсказуемо развитие ситуации в Испании, в которой каталонские сепаратисты во главе с Артуром Масом, вслед за «консультативным опросом» о независимости 9 ноября, собираются провести досрочные региональные выборы в 2015 году. В обозримой перспективе мало шансов на сохранение в нынешнем виде Бельгии, в которой ведущая партия Фландрии – Новый фламандский альянс – выступает как минимум за трансформацию страны в конфедерацию. По этому же пути в лучшем случае пойдут упомянутые Великобритания и Испания.

Перед лицом грозных внешних и внутренних вызовов интересы общеевропейской безопасности требуют консолидации усилий всех стран континента, ведь существующие проблемы в большинстве своем не решаются, а лишь усугубляются: рост исламистского экстремизма, усиление праворадикальных настроений, рушащаяся периферия Европы от Магриба и Сахеля до Большого Ближнего Востока, сложная социально-экономическая ситуация, накрывающая Европу волна нелегальной и легальной иммиграции⁷, когда Средиземное море впору переименовывать в скорбное море, учитывая тысячи утонувших в нем беженцев.

При всем том многие европейские политики проявляют обостренную восприимчивость к антироссийской риторике и практике, к воссозданию пугала «угрозы с востока» для гальванизации НАТО, к попыткам ослабить Россию санкциями⁸. ЕС проявил очевидную мягкотелость и неэффективность в способности разрешить украинский кризис, не разыгрывая антироссийскую карту (что получилось у Н. Саркози в ав-

⁷ Hampshire J. «Europeam migration» // «The World Today». August – September 2014. – P. 13–16.

⁸ См., напр.: Niblett R. «A Chance to regroup for NATO» // «The World Today». August – September 2014. – P. 30–33; Interview: Anders Fogh Rasmussen. Nato «will not hesitate» // Prospect June, 2014. – P. 15–16.

густе – сентябре 2008 г.). С конца февраля 2014 года Украина, как когда-то Югославия, была отдана на откуп политике Вашингтона.

Думается, что кардинальным образом улучшить ситуацию с безопасностью в Евро-Атлантике и Евразии не получится вне треугольника Россия – ЕС – США. Москве строить расчеты по выходу из спирали противостояния, основываясь на противоречиях между своими визави, было бы также недальновидно, как Вашингтону и Брюсселю пытаться решать множество упомянутых проблем без России. «Новая холодная война» не допустима не только и даже не столько из соображений высокого порядка, а просто исходя из элементарного инстинкта самосохранения.

Нормализация отношений и восстановление доверия с европейскими странами отвечает национальным интересам страны. Доверие намного выгоднее недоверия в международных отношениях хотя бы потому, что это безопаснее, дешевле и эффективнее.

Важным событием 2014 года в развитии Евросоюза, имеющим непосредственное отношение и к взаимодействию с Россией, стали майские выборы в Европарламент. Их можно рассматривать как очередной шаг по пути формирования мегалитии на пространстве ЕС поверх барьеров двадцати восьми партийно-политических систем стран-членов. Важность этих выборов заключалась прежде всего в вовлечении нескольких сот миллионов европейцев в панъевропейский политический процесс по демократизации органов управления ЕС. Впервые проведенные в 1979 году, эти выборы с тех пор превратились из диковинки в достаточно слаженный и утвердившийся механизм по легитимации наднационального яруса Евросоюза. От нескольких предыдущих раундов голосования (выборы проводятся раз в пять лет), в 2014 году их отличали характерные особенности и даже интрига: на этот раз удалось переломить негативную тенденцию всех последних десятилетий по снижению явки избирателей, которая пусть и мизерно, но все же выросла с 43 до 43,1%.

В данном случае важен сам факт поворота вспять в условиях, казалось бы, неизбежности дальнейшего снижения цифр. Причем по странам разброс показателей огромен: от 19% в Словакии до 90% в Бельгии и Люксембурге (где голосование обязательно). Политические обозреватели до последнего момента ломали голову, в какую сторону качнется явка. На фоне социально-экономических невзгод было вполне логично ожидать дальнейшего роста политической апатии и «голосования ногами», ведь разочарование широких масс политикой правящих кругов достигло небывалых с окончания Второй мировой войны высот. Однако именно беспрецедентно выросшее недовольство политическим истеблишментом (и появление энергичных политических сил, оппонирующих ему) на сей раз привело к обратному эффекту – массовому стрем-

лению не проигнорировать выборы, а прийти к избирательным урнам, чтобы выразить свое отношение как к традиционным, так и новым протестным движениям и партиям.

Беспрецедентный рост евроскептицизма электората ЕС закрепил или выдвинул в категории партий второго, а то и первого эшелона в национальных и общеевропейском масштабах таких игроков, как итальянское движение «Пять звёзд», британская Партия независимости Соединенного Королевства, французский Национальный фронт, греческая «Сириза», Новый фламандский альянс, Австрийская партия свободы и др. Из этого следует, что механизм демократической легитимизации ЕС обнаружил здесь достаточную зрелость, выполнив одну из своих главных функций – «сбросил пар» общественного недовольства, перевел уличный, гражданский протест в русло парламентской демократии, сыграл роль своего рода амортизатора возмущения миллионов европейских безработных и других пострадавших от кризиса и политики жесткой экономии слоев населения.

Конечно, можно спорить, насколько результаты выборов говорят об укреплении европейской политики или о ее кризисе, ведь в истории есть немало примеров, когда национальные партийно-политические системы разваливались под воздействием центробежных сил внутри них, причем с использованием вполне демократических механизмов. Следующие выборы пройдут через пять лет, и, конечно же, неизвестно, приведут ли они к «отскоку» в настроениях избирателей – возвращению части протестного электората в русло партийного «мейнстрима», или евроскептические настроения закрепятся и найдут отражение в результатах голосования. Гипотетический приход к власти во Франции Марин Ле Пен на президентских выборах 2017 года или выход Великобритании из ЕС в результате референдума 2017 года могут в этом смысле усугубить ситуацию до «точки невозврата». Однако такой сценарий развития событий представляется маловероятным. Результаты майских выборов в Европарламент пока вполне укладываются в известный алгоритм реагирования национальной партийно-политической системы на социально-экономические шоки.

И всё же упование на то, что поведение общеевропейской политики будет сродни модели функционирования национальной в условиях социально-экономических циклов «кризис – рост», может сыграть злую шутку с политическим истеблишментом ЕС. Во-первых, контуры этой политики и ее практики только обозначились, идентификация европейского гражданина практически ни в одной из 28 стран-членов Евросоюза до сих пор не отодвинула на второй план идентичность национальную. Более того, последняя, будучи одной из опорных конструкций традиционного национального государства, в ряде стран трещит по швам, как в той же

Великобритании, Испании или Бельгии. В этих условиях рассчитывать на то, что избиратель автоматически будет все больше встраиваться в модель поведения европейского гражданина, вряд ли приходится.

Во-вторых, сам проект «Евросоюз» обнаружил в последние годы изрядную слабину, а в ряде вопросов и ущербность. Для исправления положения дел требуется время. Действительно, ЕС превозмог внутренние распри и волевым образом встал на путь модернизации, в том числе по приведению в соответствие своего экономического и монетарного измерения с фискальным и бюджетным. Но многие утвержденные механизмы реформ только-только задействованы, а то и вовсе согласованы пока лишь на бумаге, включая Банковский союз.

Вполне определенно можно утверждать, что ЕС и еврозона покинули, по крайней мере до поры до времени, красную зону опасности декомпозиции. Вместе с тем преждевременно делать вывод о возвращении ЕС к «бизнесу как обычно». Не исключено, что период достаточно уверенного роста и расширения в 1990-е гг. вплоть до 2008 года был «золотыми годами» Евросоюза, к которым уже не вернуться. И не столько из-за внутренних проблем ЕС, сколько из-за того, что мир вокруг него стремительно меняется. Если это так, и ЕС не на временной, а на долговременной основе утрачивает свою «гравитационную силу», теряет привлекательность как для граждан ЕС, так и, что особенно важно, для внешнего мира, то будущее общеевропейской политики крайне туманно. Не вступил ли ЕС на путь длительного застоя, постоянного балансирования между мизерным ростом и рецессией, не входит ли он в долгую полосу стагнации?

Результаты майских выборов в Европарламент и их последствия как калька отразили состояние дел в организации в целом. Это и вызов политическому истеблишменту со стороны различных популистских, несистемных, радикальных движений, и благоприятные условия для закрепления федералистских тенденций в ЕС в лице руководства нового состава Еврокомиссии («большая тройка» Ж.-К. Юнкер – Ф. Магериани – Ф. Тиммерманс), и укрепление двухскоростного характера развития Евросоюза, отражением которого стал провал линии Лондона на подрыв кандидатуры Юнкера.

Прошедшие выборы подняли на новый уровень роль Европарламента в системе управления ЕС. Очевидно, что Юнкер никогда бы не стал председателем ЕК, если бы не закрепленные в Лиссабонском договоре пункты, ставящие решения Европейского совета по его кандидатуре в зависимость от результатов голосования за политические группы в Европарламенте. Новый состав ЕК также намного более тяжеловесный, чем предыдущий. Теперь довольно сложно критиковать его как средоточие национальных политиков «второго эшелона», примером чего были

и Х.В. Ромпей и К. Эштон. Одновременно укрепляется и статус председателя Европейского совета в лице поляка Д. Туска – впервые этот пост занял действующий премьер-министр, причем крупнейшей страны из состава «младевропейцев».

При всех положительных сдвигах, характерных для прошедших выборов в Европарламент, без ответа пока остается вопрос о том, достаточно ли их для решения острейшей проблемы «демократического дефицита». Легитимность Европарламента, как и других наднациональных структур ЕС, нуждается в значительном усилении. Низкий показатель явки избирателей на майских выборах говорит сам за себя. Евроскептицизм, сильно окрепший за последние годы, с новой силой подтачивает здание «социального контракта» между европейскими массами и политическими элитами.

В то же время многие национальные политические партии, завоевавшие лидирующие места на евровыборах, заняли резко критическую позицию не только в отношении брюссельской бюрократии, но и внешней политики ЕС, особенно в той ее части, которая касается России. Причем это партии как на левом (например, греческая «Сириза»), так и на правом фланге европейской партийно-политической системы (французский Национальный фронт, британский UKIP). В этом – дополнительный маневр для внешней политики России.

Нельзя не сказать и о том, что на отношения России и Евросоюза важное влияние оказывала и, несомненно, будет оказывать история. В 2014 году повсеместно в Старом Свете вспоминали о столетии начала Первой мировой войны – одного из самых драматичных и судьбоносных событий в истории XX века. Представляется, что в свете уроков украинского кризиса наследие той войны сохраняет актуальность по сей день. Уже давно в исторических исследованиях за XX веком закрепилось название «короткого», поскольку 1914 год обозначался не как календарное, а фактическое начало столетия. Конечно, с этим можно спорить, указывая на то, что та великая война разразилась не в результате трагичного стечения обстоятельств или цепи случайностей, а долго вызревала в недрах мировой политики и была вызвана объективными причинами – конкуренцией великих держав. Но бесспорно то, что 1914 год стал символической точкой отчета нового периода европейской истории, рождения мира, принципиально не похожего на предыдущий.

Масштаб того события был настолько грандиозным, причины, его вызвавшие, настолько многослойными, что историки до сих пор спорят о его природе, генезисе, значении и последствиях. Как часто бывает со знаковыми датами, воспоминания о них, их переоценка ставят вопрос об уроках истории, их злободневности. Чему может научить Первая мировая война Европу сто лет спустя? Вопрос далеко не праздный.

Круглые даты всегда подталкивают к тому, чтобы проводить параллели между прошлым и настоящим. Немало аналогий при размышлениях о нынешнем состоянии Старого Света можно найти в новых крупных исследованиях, приуроченных к скорбной юбилейной дате. В английской литературе среди них выделяется монография профессора Кембриджского университета Кристофера Кларка «Лунатики: как Европа пришла к войне в 1914 году»⁹ и книгу профессора Оксфордского университета Маргарет Макмиллан «Война, прервавшая мир: дорога к 1914 году»¹⁰. Содержащийся в них анализ положения дел в Европе в начале XX столетия демонстрирует, что, во-первых, Европа пала жертвой противостояния нескольких центров силы и отсутствия общеевропейской системы безопасности, и, во-вторых, что личностный, субъективный фактор в истории играет огромную роль.

Не напоминает ли Европа 2014 года все больше Европу 1914-го? Чем, например, Украина – не Балканы сегодняшнего дня как потенциальный фитиль большой войны? Эскалация события на Украине произошла по историческим меркам мгновенно, приведя к новой гражданской войне в центре Европы – перспектива, которая после войн в Югославии казалась больше невозможной. Чем сами современные Балканы, как и сто лет назад, не ее потенциальный детонатор, расположенный, например, в Боснии и Герцеговине? Чем «замороженные конфликты» в Молдавии и Закавказье не воронка для возможного втягивания в противостоянии друг с другом целого ряда соседних стран? Не избежала ли уже история, к счастью, срыва в широкомасштабное столкновение между великими державами, например, в результате броски российских десантников в аэропорт Приштины в июне 1999 года, или в августе 2008-го в Грузии?

Если следовать логике «короткого века», XX столетие можно назвать вдвойне коротким, отмеряя его продолжительность лишь до 1991 года, как другой знаковой даты. Но так ли это? С рубежным значением 1914 года трудно спорить, но и трудно согласиться с тем, что последствия распада Советского Союза и уход в прошлое биполярного мира укладываются в короткий временной промежуток рубежа 1980–1990-х гг. Скорее обратное – те события стали лишь началом трансформаций на громадном евразийском пространстве – процесса, который принадлежит XX веку и который на самом деле может сделать действительно коротким уже новое столетие.

⁹ *Christopher C.* The Sleepwalkers: How Europe went to war in 1914. – New York: HarperCollins Publishes, 2013.

¹⁰ *MacMillan Margaret.* The war that ended peace: the road to 1914. – New York: Random House, 2013.

Представляется, что последнее содержательно, а не календарно начнется по-настоящему только тогда, когда геополитические плиты, пришедшие в движение с исчезновением СССР, вновь обретут относительный покой. Пока же то, что происходит на постсоветском пространстве и в Юго-Восточной Европе, олицетворяет не новый период истории, а попытки Старого Света решить главную проблему второй половины прошлого столетия – объединения Европы на основе единой системы безопасности и союзнических отношений. И те политики и политические силы, которые до сих пор противятся этому и призывают призраков холодной войны вновь обрести плоть, лишь отдаляют настоящее начало XXI века.

Конечно, никакие крупные процессы в истории не заканчиваются и не начинаются одномоментно, и новое всегда вызревает в глубинах старого. Вероятно, последние два с половиной десятилетия представляют собой одновременно «доживание» XX столетия и рождение новой эпохи. Пока эти два исторических ряда переплетены настолько тесно, что трудно отличить один от другого. До сих пор не решенной проблемой, доставшейся от прошлого, является место России в Большой Европе¹¹. Последняя сейчас фактически представляет собой «постверсальскую Европу» календарного начала XXI века. Только в отличие от первой трети его предшественника сейчас признания достойного места и роли на ее пространствах требуется уже не для Германии, а для России.

С другой стороны, процессом новой природы является, безусловно, эволюционный, постепенный переход мира к полицентричной системе международных отношений. Напрашивается сравнение такой полицентричности с «концертами держав» XIX столетия. В этом можно увидеть как добрый знак, так и предостережение. Тогда баланс сил великих держав, особенно тот, что утвердился после Венского конгресса 1814–1815 гг., способствовал установлению в Европе длительного периода относительного спокойствия. Однако в начале XX столетия он себя изжил, открыв дорогу 1914 году.

Можно ли назвать утверждающийся полицентризм начала XXI века новым изданием давно ушедших в прошлое концертов держав? И да, и нет. Многополярность и тогда, и сейчас роднит то, что не существует одного или двух гегемонов, которые могут диктовать свои условия всем остальным, сила и влияние в мире становятся всё более распыленными. Однако есть и принципиальные несовпадения. В отличие от XIX столетия международные отношения окончательно перестают быть европоцентричными, о себе всё громче заявляют внеевропейские центры силы

¹¹ См.: Доклад Института Европы 287. – М.: Изд. «Русский сувенир», 2013; Доклад Института Европы 292. – М.: Изд. «Русский сувенир», 2013.

и влияния. На второй план ушли и силовые методы решения тех или иных международных проблем; большинство стран мира, включая европейские, ориентируются в достижении своих целей на использование «мягкой силы». Наконец, после 1945 года была создана мощная и разветвленная система международного права, опирающаяся на деятельность Организации Объединенных Наций, которая не повторила судьбу Лиги наций, а превратилась в стержень мировой политики, лучше и эффективнее которого с точки зрения мирового управления и регулирования человечество пока ничего не изобрело.

Период истории, начавшийся в 1914 году, можно во многом сравнивать со временем после 1991 года. Война, разразившаяся сто лет назад, по мнению многих историков и политиков, включая Уинстона Черчилля, не была Первой, и не закончилась в ноябре 1918-го. То был первый этап новой «тридцатилетней войны», конец которой положил лишь 1945 год. Центральной проблемой того исторического отрезка времени были судьбы Германии. Можно утверждать, что в истории Европы последних 25 лет стоял и продолжает стоять вопрос о судьбах России. Без его решения век XX не закончится, а век XXI не начнется. Распад Советского Союза не привел к таким катастрофическим последствиям с точки зрения человеческих жертв, как начало Первой мировой войны. Хотя надо помнить, что результатом этого распада стали десятки тысяч погибших и миллионы пострадавших. Вопрос в том, будет ли Европа, в отличие от себя прежней сто лет назад, решать проблему нового непризнанного Левиафана – теперь не Германии, а России – не путем скатывания к конфронтации и, возможно, к большой войне, а путем установления большого мира.

Пока же начало XX и XXI веков больше напоминают друг друга, чем отличаются. В обоих случаях Старый Свет прошел через эйфорию в отношении своего будущего. Сто лет назад Европа была в зените своего могущества, большая часть мира была поделена между европейскими империями, технологические новшества трансформировали жизнь человека, экономика повсеместно быстро развивалась, и XX век должен был стать для Европы триумфальным и исключительно благополучным. Как ни парадоксально, пик воодушевления в Европе пришелся на первые месяцы войны, которая была восторженно встречена публикой. Разочарование наступило быстро. Симптоматичным стал выход в 1918 году книги О. Шпенглера «Закат Европы» – реквием по западной цивилизации. 1920-е годы, отмеченные хронической безработицей, сменились Великой депрессией. В 1930 году публикуется «Восстание масс» Х. Ортега-и-Гассета – реквием по западной культуре.

Старт нового тысячелетия сопровождался эйфорией, связанной с ожиданиями превращения Евросоюза в лидера XXI столетия. Как три-

умф воспринималось мегарасширение 2004 года за счет стран Восточной Европы, Кипра и Мальты. ЕС находился в предвкушении принятия Евроконституции и новых волн расширения. Продолжался беспрецедентный по длительности период экономического роста. Казалось, что ЕС вот-вот обретет настоящую политическую субъектность на фоне разногласий с внешней политикой США и складывания формата «большой тройки» России, Франции и Германии. Для исследований о Евросоюзе были характерны названия «Европейская мечта: как европейское видение будущего затмевает американскую мечту»¹² (Jeremy Rifkin, 2004), «Почему Европа будет первенствовать в XXI веке»¹³ (Mark Leonard, 2006), «Европейская сверхдержава»¹⁴ (John McCormick, 2007). Однако, как и сто лет назад, дальнейшие события привели к тому, что эйфория сменилась пессимизмом, унынием, ощущением безысходности, истощенности, потерей ориентиров. В 2008 году Европа оказалась ввергнутой в тяжелейший экономический кризис за всю ее послевоенную историю.

Начала столетий сближает и то, что Европа была тогда и остается сейчас разделенной, фрагментированной. Современный хрупкий баланс сил, как карточный домик, рушится то в Грузии, то в Боснии и Герцеговине, то на Украине. Глеют конфликты в Приднестровье и Нагорном Карабахе¹⁵. Фасад относительной стабильности прикрывает рост социально-экономического неравенства, опросы общественного мнения регистрируют небывалый рост недовольства. По данным Евробарометра, в ноябре 2013 года ЕС не доверяли 58% граждан его стран-членов (включая 59% немцев, 62% итальянцев, 63% французов, 67% британцев, 71% испанцев)¹⁶. Как никогда в истории западноевропейской интеграции сильны евроскептические настроения, поднимает голову ксенофобия, национализм. Особенно сильны антироссийские настроения. Перед лицом реального сепаратизма стоят Испания, Бельгия, Британия.

Параллели напрашиваются и в том, что мировая политика вновь бросает вызов европоцентризму. Практически во всех регионах мира новые «поднимающиеся державы» держат курс на самостоятельную роль в международных отношениях. Тогда это были в первую очередь Япония

¹² Rifkin J. The European Dream: How Europe's Vision of the Future Is Quietly Eclipsing the American Dream. – Cambridge, UK: Polity, 2004.

¹³ Leonard M. Why Europe will run the 21st century. – London, New York: Public Affairs, 2005.

¹⁴ McCormick J. The European Superpower. – New York: Palgrave Macmillan, 2007.

¹⁵ Более подробно о «замороженных конфликтах» см.: Кандель П.Е. Региональные конфликты в Европе и их урегулирование. Глава 9 // Безопасность Европы. Под ред. В.В. Журкина. – М.: Весь мир, 2011. – С. 178–212.

¹⁶ Standard Eurobarometer 80, Autumn 2013.

и США, теперь – Китай, Индия, Бразилия, Турция, Иран и др. Первая мировая война, несмотря на триумф Франции и Британии, стала началом конца европейского экспансионизма. Теперь широкое хождение получил термин «усталость от расширения».

Обеспокоенность вызывают и аналогии, связанные с готовностью ряда европейских стран к использованию силовых методов решения региональных проблем. В 1911 году Италия начала военные действия против Османской империи в Ливии (тогда – Триполитания и Киренаика). За ними последовали две Балканские войны, которые стали уже непосредственной предтечей Первой мировой. Сто лет спустя, в 2011 году Италия, Франция, Британия и ряд других стран предпринимают военное вмешательство в гражданскую войну в Ливии на стороне антиправительственных сил. В сентябре 2013 года в одном шаге от повторения такого же сценария оказалась Сирия.

Конечно, исторические эпохи, разделенные целым столетием, имеют неповторимые черты, разнятся, по крайней мере не меньше, чем напоминают друг друга. В отличие от начала XX века фундаментальная «новация» новейшего времени – фактор ядерного оружия, мощное сдерживающее средство в отношениях между великими державами. Судя по всему, и в новом столетии оно будет играть не меньшую роль. Уникальность нашего времени заключается и в интеграционных региональных проектах, в первую очередь в формате Европейского союза, природа которого исключила войну как средство решения разногласий между его участниками.

Но отличия двух эпох не обязательно «работают» на стабильность. Так, вразрез с сегодняшним днем тогда на динамику внутриевропейских дел внешние факторы значительного влияния не оказывали. Теперь же геополитические и геоэкономические интересы США в Европе могут вести к усугублению конфликтов, а не к их разрешению, яркими примерами чего служат события в Закавказье в 2008 году и на Украине в 2014-м.

Новая тенденция, вызывающая большое беспокойство, – увлеченность политическими классами Запада поддержкой революционных процессов, а чаще – насильственной сменой политических режимов. Большую часть XX века Советский Союз был глашатаем революций как мотора исторического прогресса. Теперь же стороны словно поменялись местами, и ведущие западные столицы воодушевленно приветствуют свержение того или иного правителя, причем вне зависимости от степени его легитимности. Так, 21 февраля 2014 года официальные представители Парижа, Берлина и Варшавы участвуют в подписании соглашения между В.Ф. Януковичем и лидерами оппозиционных партий, тем самым признавая легитимность украинского президента, но уже через

несколько дней приветствуют вооруженный переворот в Киеве. Такие подходы и методы ничему кроме правового нигилизма потворствовать не могут.

При сравнении начальных периодов двух столетий расходятся и положение дел в сфере демократизации европейского общества. Сто лет назад происходило «восстание масс», не имеющее аналогов по своему масштабу вхождение людей в политику, создавались массовые политические партии, профсоюзные движения, на авансцену общественной жизни впервые выходили миллионы избирателей. Теперь же в Европе один из основных рефренов политического дискурса – проблема политической апатии, демократического дефицита, потери доверия между политической надстройкой и низами, «схлопывание» массовых партий в кадровые. Широкие слои населения разочарованы политикой и уходят из нее. А многие из тех, кто остается, использует механизмы представительной демократии для выражения своего протеста, а не поддержки правительств, парламентов и президентов.

Поверхностны ли параллели между началом XX и XXI веков или за ними стоят реальные и глубинные процессы? В чем злободневность опыта Первой мировой и всей эпохи «тридцатилетней войны» для нашего времени? Насколько мышление политиков за последние сто лет совершенствовалось так же быстро, как технологии? События последних лет – кризисы и войны как в самой Европе, так и вокруг нее, не вызывают исторического оптимизма. Отношения России и ЕС, России и НАТО переживают наихудшие времена после распада Советского Союза.

Однако думается, что слишком велики были жертвы, понесенные Европой в двух мировых войнах, слишком ценит она свое благополучие, обретенное с таким трудом за последние 70 лет, слишком далеко зашли процессы европейской интеграции и слишком неприемлема для европейского обывателя и налогоплательщика война как статья расходов его средств, чтобы в этом история в ее наихудшем варианте повторилась. Здравый смысл рано или поздно возьмет верх.